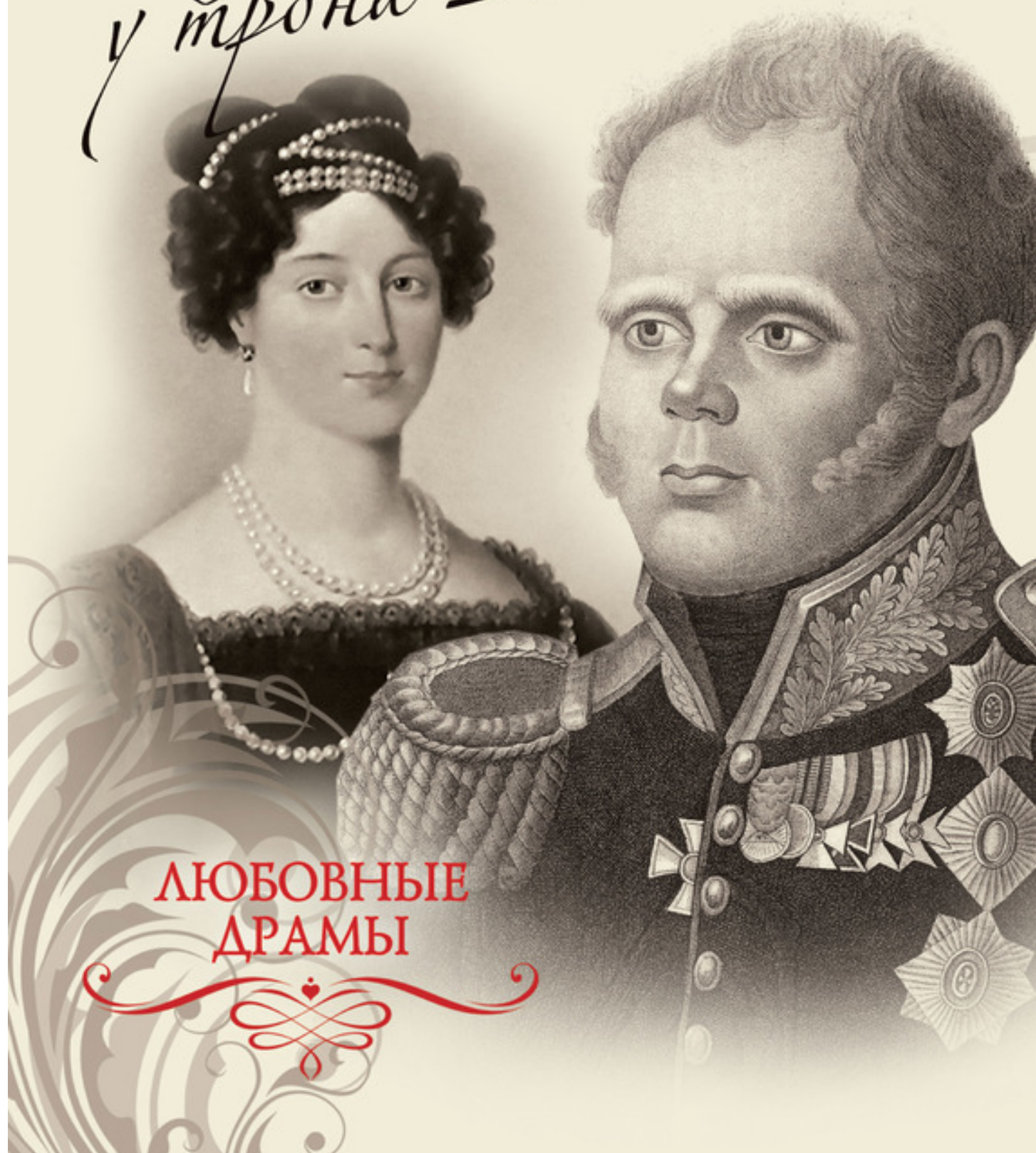

Н.Ф. ШАХМАГОНОВ

Любовные драмы
у трона Романовых

ЛЮБОВНЫЕ
ДРАМЫ

Любовные драмы

Николай Шахмагонов

**Любовные драмы
у трона Романовых**

«ВЕЧЕ»

2016

Шахмагонов Н. Ф.

Любовные драмы у трона Романовых / Н. Ф. Шахмагонов —
«ВЕЧЕ», 2016 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4444-9124-9

Новая книга писателя Николая Шахмагонова посвящена историям жизни и любви членов Императорского Дома Романовых и их приближенных в конце XVIII – первой четверти XIX в. Помимо представителей правящей династии и великих князей и княжен, автор подробно рассматривает драматические перипетии и увлекательные приключения многих царедворцев, полководцев и фаворитов, приближенных к трону.

ISBN 978-5-4444-9124-9

© Шахмагонов Н. Ф., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Великой княжне «нужны... только муж и свобода...»?	6
Краткое счастье детских лет	11
Потрясение 11 марта 1801 года	16
Трагическое супружество Александры Павловны	19
«Ничего не может быть несчастнее российской Великой Княжны»	24
Багратион, как спаситель от шайки сановных уголовников	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Шахмагонов

Любовные драмы у трона Романовых

© Шахмагонов Н. Ф., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Дорогие читатели! Перед вами очередная книга серии «Любовные драмы». Это необычная книга. В ней рассказывается не только о жизни и любви членов императорского Дома Романовых, но и тех, кто был в родственных отношениях с императорской фамилией – представителях рода Нарышкиных (от которого происходила супруга Царя Алексея Михайловича Наталья Кирилловна – мать Петра Первого), рода Скавронских, родоначальником которого являлся брат императрицы Екатерины Первой. Здесь же и рассказ о чрезвычайно любвеобильном «гнусном турке Кутайсове», фактически воспитатнике великого князя Павла Петровича, будущего императора Павла Первого. Здесь речь даже не столько о нём, сколько о его сыне, молодом блистательном генерале Александре Ивановиче Кутайсове, павшем смертью героя на Бородинском поле, и, конечно, о его необыкновенной, нежной, искренней и непорочной любви к своей невесте княжне Анастасии Мещерской. Ну а что касается Нарышкиных, то здесь вы узнаете много нового, трогательного и интересного о всепобеждающей любви Маргариты Тучковой, будущей матери Марии, урождённой Нарышкиной, к замечательному генералу Александру Тучкову, разорванному ядрами при контратаке на Семёновских флешах. Ну и, конечно, нельзя обойти вниманием трагическую любовь величайшего государственного деятеля графа Алексея Андреевича Аракчеева, фактически «пропустившего через себя» всю Отечественную войну 1812 года и Заграничный поход русской армии, поскольку именно ему было в полной мере доверено управление Российской Империей в эти годы. Ему же предстояло предотвратить масонский бунт будущих декабристов. Жесточайшее убийство возлюбленной графа Анастасии Минкиной в Грузии, как уже давно доказано дореволюционными историками, было содеяно именно по заказу декабристов с единственной целью – вывести из строя графа и помешать его поездке в Таганрог для встречи с императором. На той встрече планировалось окончательно решить, какой силы удар и по каким персонам нанести для погашения смуты. Ведь замешаны были в заговоре лица знатных фамилий. Вы узнаете правду об этом событии. И конечно, привлекают внимание главы, посвящённые трагической судьбе дочерей императора Павла – внучек Екатерины Великой, о которых она пророчески говорила: «Ничего не может быть несчастнее российской великой княжны». И оказалась права... Из шести её внучек только две были счастливы в браке, а четыре безвременно покинули сей мир, и двух из них причиной тому были любовные драмы. В книге рассказывается и о любовных перипетиях в жизни цесаревича Константина Павловича. О его неудачной женитьбе, разводе, долгом ухаживании и женитьбе на Жанетте Гудзинской (княгине Лович). Ну и, конечно, не обойдены вниманием тот, кого мы знаем под именем императора Александра и старший внебрачный сын Павла Первого Симеон Афанасьевич Великий – показана их связь с именем сибирского старца Феодора Козьмича. В книге использованы воспоминания современников и самих героев повествования, проведён серьёзный анализ различных точек зрения исследователей и биографов. И главное – разоблачено множество клеветнических нападок на героев великого прошлого России.

Великой княжне «нужны... только муж и свобода...»?

Тихим вечером, на излёте лета 1807 года, когда уже смолк дворцовый дневной шум и опустели аллеи парка, генерал-лейтенант князь Пётр Иванович Багратион вышел к Розовому павильону, где ему была назначена встреча тет-а-тет. Тайной её не назовёшь. В дворцовом парке Павловска, даже в поздний час найдутся несколько пар глаз, которые всё видят, и несколько пар ушей, которые всё слышат. И это кроме пикетов лейб-гвардии Егерского полка, которые широкой сетью прикрывали территорию.

А тут встреча боевого генерала, на которого возложена охрана дворцового ансамбля Павловска, да не с кем-то, а с великой княжной, четвёртой дочкой зверски убитого императора Павла Петровича, Екатериной Павловной.

Пригласила на встречу она сама, причём тайным письмецом пригласила. Ну и князь Пётр Иванович после некоторых колебаний решил, что не пойти не может.

Он лишь недавно возвратился из Тильзита, где был свидетелем подписания кабального и позорного для России мирного договора. Ему наблюдать за Тильзитским позором было особенно обидно, потому что, как никто другой, понимал – это не Александру должно склонять голову перед Наполеоном, а Наполеону перед Александром, если бы... Вот это «если бы» и не доходило до понимания русского общества, потому что не каждому дано было знать всю правду о ходе боевых действий на полях Восточной Пруссии и Польши с января по июнь 1807 года. Багратион был не просто свидетелем, а одним из самых активных участников тех событий, причём он-то как раз делал всё, чтобы события развивались вовсе не так, как они развивались по причинам, от него не зависящим. Все беды происходили от человека, которого император поставил во главе русской армии, посланной на помощь разгромленной французами Пруссии.

До сих пор князь Пётр Иванович поддерживал самые добрые и доверительные отношения с матерью великой княжны Екатерины Павловны, вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, именно добрые, доверительные, а не близкие, хотя злые языки и пытались их выставить именно близкими.

Отношения эти сложились не случайно. Князь Пётр Иванович сразу после возвращения из Итальянского и Швейцарского походов Суворова был обласкан императором Павлом Первым. Прозорливый Алексей Петрович Ермолов подметил это в своих Записках:

«Князя Багратиона счастье в средних степенях сделало известным и на них его не остановило. Война в Италии дала ему быстрый ход; Суворов, гений, покровительствовавший ему, одарил его славой, собрал ему почести, обратившие на него общее внимание. Поощряемые способности внушили доверие к собственным силам».

Конечно, немаловажное значение имели доклады о нём Александра Васильевича Суворова. Великий полководец, не скупясь, давал в победных реляциях «князю Петру», как любил его сам называть, самые лестные характеристики. И конечно, сыграли роль рассказы о Багратионе отцу-императору и матери Марии Фёдоровне, которыми делился великий князь Константин, на протяжении всего тяжелейшего перехода через Альпы старавшийся быть ближе к князю Багратиону и стремившийся подружиться с ним.

В 1880 году император назначил князя Петра Ивановича шефом лейб-гвардии Егерского полка, в обязанности которого входила охрана Павловска, особенно в летние месяцы, когда там жила царская семья.

О причинах расположения к Багратиону вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны мы ещё поговорим, а пока вернёмся к той встрече, которую с волнением ожидал князь на одной из аллей парка, примыкающих к Розовому павильону.

Лёгкий шорох пышного платья оторвал князя от дум о том, чем вызвано приглашение на это свидание тет-а-тет. Предстала перед ним прекрасная великая княжна Екатерина Павловна.

И вот эта обворожительная девятнадцатилетняя девушка пригласила на свидание сорокадвухлетнего генерала, причём генерала женатого, у которого, как ей было известно, жена – признанная красавица, причём, тоже Екатерина Павловна... Для чего же великая княжна пригласила его?

Багратион прекрасно знал, что к великой княжне сватается молодой генерал, флигель-адъютант и друг императора двадцатисемилетний князь Пётр Михайлович Долгоруков. Знал, что император настаивает на том, чтобы было принято предложение молодого генерала, но вдовствующая императрица Мария Фёдоровна своего согласия не даёт, и сватовство про буксовывает.

Озадаченный предложением свидания, Багратион так и не нашёл ответа на свои вопросы, ну а теперь, при появлении великой княжны, ответы эти сами должны были проявиться.

Багратион с восхищением оглядел великую княжну, которую впервые увидел ещё двенадцатилетней девочкой, когда получил назначение состоять шефом лейб-гвардии егерского полка и обеспечить силами этого полка охрану царского дворца в Павловске. Как же она похорошела, как же расцвела за прошедшие с того времени годы!

Великая княжна Екатерина Павловна тоже хорошо помнила первую встречу с князем, помнила его приезд в Павловск.

Но особенное впечатление на неё произвело одно, особенное событие, связанное с генералом. Великая княжна присутствовала на венчании князя с одной из первых столичных красавиц, Екатериной Павловной Скавронской, внучатой племянницей самого светлейшего князя Потёмкина. Венчались они в сентябре 1800 года, когда великой княжне Екатерине Павловне шёл всего-то тринадцатый год от роду. А вот ведь запомнилось...

Поначалу, когда за год до этого события князь Багратион прибыл в Павловск, великая княжна Екатерина Павловна особого внимания на него не обратила. Багратион, прямо скажем, красавцем не был. Но во время обряда венчания, на котором присутствовали император с супругой и со всеми детьми, вышедшими из детского возраста, она по-иному взглянула на прославленного генерала.

Помнила она о заботах, которые стали особенно трогательными и чуткими после 11 марта 1801 года, когда осиротела императорская семья. После трагедии она заметила, что матушка Мария Фёдоровна часто подолгу беседует с князем, и остаётся довольной этими беседами. Она тогда ещё, конечно, не могла знать, что ещё Суворов на сей счёт говаривал: «В беседе с ним его не увидишь».

И вот теперь они шли по тенистой аллее рядом и говорили. Сначала разговор касался тем незначущих. Но Багратион понимал, что великая княжна позвала его не случайно.

Наконец, она как бы вскользь передала благодарность от матушки, письма с театра военных действий. Ведь это именно он, князь Багратион сумел достаточно убедительно доказать, что Тильзитский мир – продукт измены того генерала, который возглавлял русскую армию на полях Восточной Пруссии и Польши. Багратиону действительно удалось передать вдовствующей императрице Марии Фёдоровне некоторые свои соображения по поводу главных сражений русско-прусско-французской войны 1806–1807 годов. Он знал, что Мария Фёдоровна ведёт беспощадную борьбу против членов банды сановных уголовников, изуверски убивших её мужа императора Павла Петровича. Ей удалось свалить даже всесильного фон дер Палена, а вот циничный и жестокосердный Беннигсен, хладнокровно протянувший убийцам свой офицерский шарф с советом задушить императора, всё ещё не только оставался в строю, но даже получил очень высокое назначение на пост главнокомандующего армией, действовавшей на полях Восточной Пруссии и Польши.

И вот императорским указом Беннигсен снят с должности командующего и отправлен в отставку. На его место назначен генерал от инфантерии Фёдор Фёдорович Буксгевден.

А ведь Буксгевден ещё до Багратиона пытался обратить внимание императора на более чем странное, предательское поведение Беннигсена. Но его обращение осталось без ответа. А когда Беннигсен путём наглого обмана императора «выбил» для себя пост главнокомандующего, Буксгевден вызвал его на дуэль. Но, будучи патологическим трусом, как и все маньяки, способные на изуверские убийства, Беннигсен от дуэли отказался.

Лишь после обращения Багратиона к вдовствующей императрице, и благодаря её горячему отклику император прислушался к советам Марии Фёдоровны и выполнил то, на чём она особенно настаивала.

Но что же нужно было великой княжне Екатерине Павловне?

Она не спешила открывать свою тайну. Затягивая разговор, поинтересовалась, как поживает супруга князя, не подозревая, скорее всего, как огорчают и даже раздражают его подобные вопросы.

О чём могли говорить во время встречи тет-а-тет боевой генерал и юная принцесса? Багратиону могло показаться, что Екатерина Павловна как бы прошупывает его, пытается заглянуть к нему в душу, понять, чем дышит он.

А потом были и другие встречи, было общение на различных дворцовых мероприятиях, что породило многие пересуды, поскольку тайные знатоки-свидетели или те, кто что-то когда-то слышал от свидетелей, судачили об отношениях, сути которых не понимали, переводя в своём воображении встречи в тенистых аллеях близ Розового павильона в сам Розовый павильон. Кстати, павильон этот уже был знаменит платоническим романом императора Павла Петровича с Анной Лопухиной...

Во время одной из встреч великая княжна Екатерина Павловна задала прославленному генералу прямой вопрос:

– Готовы ли вы, князь, поддержать добрые силы патриотов и ту собеседницу, которую видите сейчас перед собой, если потребуется сделать это во имя России?

Аккуратный, осторожный вопрос. Багратион сразу не сообразил, что имела в виду великая княжна. Он, как «генерал, по образу и подобию Суворова», как истый солдат, полностью отдающий себя полям сражений и битв, не понимал, что не всё решается в битвах, даже если сражаются с противником настоящие воины, подобные суворовским чудо-богатырям. Не знал он и о том, что осенью 1807 года шведский посол в России граф фон Стединг (Стединк) писал в Стокгольм королю Густаву IV Адольфу о непрочном положении императора на троне:

«Говорят о том, что вся мужская линия царствующего дома должна быть устранена, а так как императрица мать и императрица Елизавета не обладают соответствующими данными, то на престол хотят возвести великую княжну Екатерину».

О критическом для императора России положении был извещён и Наполеон, который 16 сентября 1807 года сообщал своему посланнику в Санкт-Петербурге Анн Жану Мари Савари: «Англичане насылают дьявола на континент. Они говорят, что русский император будет убит...».

Но всё это не было известно князю Багратиону, и он пока ещё не понимал, что перед ним не просто девятнадцатилетняя девушка, что перед ним русская великая княжна, настоящая дочь своего отца Павла Петровича, сложившего голову в борьбе с сановными уголовниками в борьбе за Россию. Не осознал он и того, что эта русская великая княжна способна сделать то, что однажды сделала её великая бабушка Екатерина Алексеевна. Она способна занять престол русских царей и способна не просто быть на престоле, а вести политику во имя России, как её бабушка, а не во имя Европы, как её брат...

– Что скажете, князь? У меня надежда только на вас...

А Багратион в этот момент не мог не признать, что действительно и у вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, и у юной великой княжны Екатерины Павловны вся надежда только на него, на него одного. И всё-таки он не мог отделаться от одного вопроса, почему

же нет надежды на жениха? Почему же Екатерина Павловна не обратилась с таким вопросом к генералу, князю Петру Михайловичу Долгорукову? И тут не могло не осенить – Долгоруков, флигель-адъютант императора и его друг. Ну а поскольку на друга императора опереться нельзя, значит, помощь нужна против императора.

Они шли по аллее, уже тронутой осенью, и Екатерина Павловна негромко говорила:

– Вы же не хотите повторений Аустерлица и Фридланда, вы же не хотите отдавать победы, как отдали их при Прейсиш-Эйлау? Разве там было не предательство?

О чём в этот момент подумал князь? Быть может, ему вспомнились некоторые эпизоды сражений при Прейсиш-Эйлау, когда Беннигсен позволил французской кавалерии полностью изрубить нашу пехоту, уже прорвавшую центр боевых порядков французов, но умышленно неподкреплённую Беннигсеном и брошенную им на произвол судьбы. Быть может, вспомнился Фридланд, когда Беннигсен занял крайне невыгодные позиции и не позволил нашим, несмотря на просьбы Багратиона, ударить по врагу, пока было наше превосходство и тем самым дал возможность врагу завершить полное сосредоточение войск. Обо всех этих предательствах, несмотря на которые император продолжал держать Беннигсена главнокомандующим, поговорим в последующих главах. А пока – пока послушаем ответ Багратиона.

Он остановился, порывисто повернулся и сказал:

– Можете располагать мною...

И когда нагнулся, чтобы поцеловать руку великой княжны, почувствовал быстрый поцелуй.

– До завтра, князь! Завтра там же и в тот же час.

И великая княжна скрылась в освещённой мерцающим светом фонарей аллее.

Князь стоял на том же месте, где застал его волшебный поцелуй волшебной девушки, и перебирал в памяти весь вечерний разговор, отыскивая в нём намёки не только на политику и на то великое, всепобеждающее чувство, которое сильнее политики, сильнее войн. На чувство, которое оказывает невероятное влияние и на политику, и на войны и на всё остальное в этом мире.

И он находил и не находил эти намёки.

Не мог он не задуматься и о том, что скрывается за прямым и кратким вопросом. Снова государственный переворот? Снова свержение императора?

А великая княжна в тот вечер спешила в свои покои, размышляя о встрече с этим необыкновенным человеком, человеком мужества, чести, долга и отваги. Она понимала, как сложно было ему произнести те слова, что он произнёс, а потому подготовила его заранее, в процессе разговора, некоторыми пояснениями относительно того, сколь преступным был переворот 11 марта 1801 года, переворот, который заставил Россию свернуть с её главного пути.

А между тем, о встречах князя Багратиона и великой княжны Екатерины Павловны в тенистых аллеях парка заговорили не только в Павловске, но и в столице, а вскоре информация распространилась и ещё шире. Вот, к примеру, что писала императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора, своей матери маркграфине Баденской в 1807 году:

«...Ей (великой княжне Екатерине Павловне. – *Н.Ш.*) нужен только муж и свобода... Я никогда не видела более странной молодой особы; она на дурном пути, потому что берёт за образец мнения, поведение, даже манеры своего дорогого брата Константина. То, как она держится, не пристало и сорокалетней женщине, а ещё того менее девушке девятнадцати лет, и к тому же эта её претензия водить за нос свою мать, что, впрочем, ей иногда и удаётся. Я не понимаю императрицу, которая в отношении других своих дочерей и невесток проявляла преувеличенную требовательность и суровость: этой она позволяет обращаться с собой с дерзостью, которая меня часто возмущает, и находит это в ней оригинальным. Теперь она как два пальца руки связана с князем Багратионом, который уже два лета живёт в Павловске, будучи там комендантом гарнизона. Она всё время говорит “мы”: “Мы велим матушке поступить так-

то и так-то"... Не будь он так безобразен, она рисковала бы погубить себя этой связью, но его уродство спасает великую княгиню».

Впрочем, и великая княжна Екатерина Павловна платила императрице Елизавете Алексеевне той же монетой.

А. Манфред в книге «Наполеон Бонапарт» рассказал:

«Екатерина Павловна с присущей ей гибкостью и сообразительностью быстро нашла чувствительные точки, затрагивающие личные интересы брата: она исключила из переписки и бесед всё, что касалось императрицы Елизаветы Алексеевны – официальной супруги Александра; её как бы вовсе не существовало. В то же время она установила самые дружеские отношения с М. А. Нарышкиной – морганатической возлюбленной царя – и постоянно возвращалась к этой приятной Александру теме. Она легко находила с ним общий язык и в делах, касающихся их взаимоотношений с матерью; они оба не ладили с ней».

Так кто же она, великая княжна Екатерина Павловна, «странная молодая особа... на дурном пути» или «душа русской консервативной партии», готовая посвятить всю жизнь свою борьбе за величие России? Кто она, барышня, которой нужны «только муж и свобода...», или женщина, достойная искренней любви, но испытывавшая немало любовных драм и трагедий? Кто она, эта таинственная женщина, которая, по мнению современников, не только оставила след в сердце героя войн за Отечество, но и сама сыграла роль в укреплении обороноспособности России, даже едва не заняла место своего брата на Русском престоле после позорного для России Тильзитского мира в 1807 году. То есть перед нами, по существу, несостоявшаяся императрица Екатерина Третья! И вполне возможно способная заслужить, как и её державная бабушка, титул Великой Государыни!

Вспомним слова императрицы Екатерины Великой:

«Если бы я была мужчиной, смерть не позволила бы мне дослужиться до капитанского чина».

Как они сочетаются со словами внучки, которая сожалела, что не была мужчиной в 1812 году.

А начинался её земной путь трудно...

Краткое счастье детских лет

11 мая 1788 года императрица Екатерина Великая писала своему супругу и соправителю Григорию Александровичу Потёмкину из Царского села:

«Любезный друг Князь Григорий Александрович.

Вчерашний день великая княгиня родила дочь, которой дано моё имя, следовательно, она – Екатерина. Мать и дочь здоровы теперь, а вчерась материна жизнь была два часа с половиною на весьма тонкой нитке; видя крайность, я решилась приказать *accoucheur* (акушеру) спасти жизнь ей, за что теперь меня и муж, и жена много благодарят...

У нас так холодно, что я пишу почти замёрзла...»

Потёмкин разделил радость в ответном письме от 19 мая словами:

«Матушка Всемилостивейшая Государыня! Я получил о разрешении Ея императорского Высочества и на другой день праздновал...»

А тревоги 10 мая 1788 года были далеко не напрасными. Почти семь часов императрица не отходила от своей невестки и уже опустивших руки акушера и его помощниц. Государыне была памятна трагедия, происшедшая с первой супругой сына великой княгиней Натальей Алексеевной. Это случилось в 1776 году. Роды начались 10 апреля и начались неудачно. Несколько дней продолжались схватки, но родить великая княгиня никак не могла. Ребёнок не выдержал и умер.

Своему статс-секретарю императрица написала:

«Дело наше весьма плохо идёт. Какою дорогой пошёл дитя, чаю, и мать пойдёт. Сие до времени у себя держи...».

Мёртвый ребёнок инфицировал организм матери, и надежд на то, что она выживет, почти не было. 15 апреля Наталия Алексеевна ушла из жизни.

Екатерина призналась в письме:

«Вы можете вообразить, что она должна была выстрадать, и мы с нею. У меня сердце истерзалось; я не имела ни минуты отдыха в эти пять дней и не покидала великой княгини ни днём, ни ночью до самой кончины. Она говорила мне: «мы отличная сиделка». Вообразите моё положение: надо одного утешать, другую ободрять. Я изнемогла и телом и душой...»

Правда, тогда всё усложнялось тем, что Наталия Алексеевна не могла иметь детей из-за врождённых дефектов. Дефекты же эти скрыли, иначе как бы можно было её выдать за наследника русского престола.

В ту пору каждые роды были очень серьёзным испытанием для женщин. Они нередко оканчивались трагически.

И вот при родах у великой княгини Марии Фёдоровны произошло осложнение, похожее на то, что стало смертельным и для великой княгини Натальи Алексеевны, и для ребёнка. Правда, у Марии Фёдоровны это были уже шестые роды, и она не имела тех травматических дефектов позвоночника и таза, что Наталия Алексеевна. Тем не менее, шло время, а акушерка ничего не могла сделать. Нужно учесть, что акушерство в ту пору было ещё не на высоком уровне. К примеру, не принято было применять так называемое родовспоможение, да и не все акушеры владели таким методом. Но императрица знала об этом методе и приказала хирургу Ассофиеру применить его под свою ответственность. В письме к Потёмкину императрица сообщила: «я решилась приказать Ассофиеру, спасти жизнь ей...», в других письмах она уточняла: «я решила употребить Моренгейма, и он кончил», то есть произвёл родовспоможение по методике акушера из Австрии.

Благодаря решительности императрицы всё окончилось благополучно, и Екатерина Павловна, четвёртая из пяти дочерей Павла Петровича, начала свой хоть и не долгий, но яркий жизненный путь.

Санкт-Петербург салютовал началу этого пути из пушек Петропавловской и Адмиралтейской крепостей. При крещении 21 мая несла маленькую Екатерину в церковь статс-дама княгиня Екатерина Дашкова, президент Российской Академии наук и близкая подруга державной бабушки, с которой была рядом и при подготовке к свержению Петра III, и в памятный день 28 июня 1762 года.

Императрица пожаловала внучке – или как тогда говорили – возложила на неё орден Святой Великомученицы Екатерины.

Думаю, надо сказать несколько слов об этом ордене, поскольку он будет ещё не раз упоминаться в повествовании.

Орден Святой Великомученицы Екатерины учреждён в 1713 году для награждения великих княгинь и дам высшего света, формально второй по старшинству в иерархии наград с 1714 до 1917 года. Правда, награждение было единственным – Пётр Первый пожаловал орден Марте Самуиловне Скавронской, сестре предка княгини Багратион, родоначальника графов Скавронских. Марта Самуиловна, в крещении Екатерина Алексеевна, стала в нарушение всех законов, правил и традиций после смерти Петра Первого императрицей Екатериной Первой. Вступив на престол, императрица Екатерина Первая наградила этим орденом дочерей – Анну Петровну (будущую мать императора Петра Третьего) и Елизавету Петровну (будущую императрицу Российскую). Всего во время её царствования было выдано 8 наград. Орден стал высшей наградой для знатных дам России, отмечаемых зачастую за заслуги их мужей. К примеру, этим орденом награждены были мать великого полководца Румянцева, статс-дама графиня Мария Андреевна Румянцева, урождённая Матвеева, и его супруга, графиня Екатерина Михайловна, урождённая княжна Голицына. Они были награждены одним указом от 12 июня 1775 года, состоявшимся по случаю празднования Кучук-Кайнарджийского мирного договора в воздаяние величайших заслуг сына и мужа в победе над турками. Первой же в царствование императрицы Екатерины Второй, в день её восшествия на престол 28 июня 1762 года, получила орден княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урождённая графиня Воронцова.

Но вплоть до царствования императора Павла Первого статус ордена твёрдо определён не был. И лишь Павел Петрович в 1797 году законодательно закрепил правила, согласно которым великие княжны по рождению награждались орденом Святой Екатерины. Ограничил он и количество награждений. Для 1-й степени ордена определялось 12, а для 2-й 94 награждений. Количество награждений лиц императорского Дома на эти ограничения не влияли.

Своему постоянному корреспонденту в Европе барону Гримму Екатерина Великая так писала о своей маленькой внучке Катиш:

«О ней ещё нечего сказать, она слишком мала и далеко не то, что были братья и сестры в её лета. Она толста, бела, глазки у неё хорошенькие, и сидит она целый день в углу со своими куклами и игрушками, болтает без умолку, но не говорит ничего, что было бы достойно внимания».

Письмо датировано 1790 годом, когда маленькой великой княжне Екатерине Павловне исполнилось два годика.

Известно, какое внимание уделяла императрица Екатерина Великая образованию и воспитанию своих старших внуков Александра и Константина. Об этом написано много. Но не упускала она из поля зрения и внучек.

В воспитательницы им Государыня избрала Шарлотту Карловну Ливен, о которой канцлер Алексей Андреевич Безбородко говорил, что если бы «генералыша Ливен» была мужчиной, «многих бы удобнее нашлась воспитывать великих князей». Рекомендовал её императрице Рижский и Видземский генерал-губернатор ирландец Георг Браун.

Шарлота Карловна жила в Митаве (ныне Елгава), столице (в 1578–1795 гг.) Курляндского герцогства, что в сорока километрах от Риги.

Оставшись в 1781 году вдовой, Ливен сильно бедствовала. Ну а о том, как она была избрана императрицей Екатериной II в воспитательницы свих внучек, рассказывает в своей книге Александра Осиповна Смирнова-Россет, фрейлина русского императорского двора, добрая приятельница Пушкина, Лермонтова, Гоголя:

«Когда старшей великой княжне исполнилось восемь лет, Екатерина написала рижскому генерал-губернатору графу Броуну:

«Дорогой Броун, пришлите мне хорошую гувернантку для моих внучек», Только что Броун получил эту записку, ему пришли сказать, что баронесса фон-Ливен желает его видеть. Вошла высокого роста, красивая дама, осанка её была важная и твёрдая. Он её посадил и спросил, что она желает?

«Во-первых, Excellenz (Ваше превосходительство), прикажите уплатить жиду, который меня привёз из Херсонской губернии, где муж мой умер. Я продала всё, что имела, и села в скверную фуру с тремя сыновьями и двумя дочерьми. Все деньги я истратила, но так как я приехала просить вас как можно скорее доставить мне мою пенсию, то прошу вас оказать мне свою протекцию. Я хочу завести маленький пансион для воспитания моих дочерей, а сыновья будут учиться в гимназии. Я найму учителя русского языка, потому что мы русские подданные, а со временем найму и французского учителя, так как в России все говорят по-французски».

С жидом расплатились, и Броун предложил баронессе жить у него до приискания квартиры. Он удивился твердости, необыкновенному уму и на третий день сообщил ей, что нашёл для неё приличное место. Она вскочила и всплеснула руками, когда он ей сказал, что она будет гувернанткой великих княжен. «Боже мой, да я не могу. Я не говорю по-французски».

– «Это и ненужно, у великих княжён будут учителя. Дело идет о хорошем солидном нравственном воспитании, вот что требуется от гувернантки».

Баронессу и её детей одели, нашли служанку, которую я ещё знала, купили карету и повезли баронессу Ливен, рождённую Поссе (она была курляндская уроженка, из числа древних дворянских фамилий, которых не гнушались гордые бароны наших остзейских провинций).

Она ехала на шестёрке с чином генеральши и с запиской Броуна прямо в Царское Село. Екатерина была в Софии. После смерти Ланского она часто туда ездила, потому что он там похоронен. Екатерина была милостива, тотчас оценила приезжую, пригласила её обедать и убедилась, что лучшего выбора нельзя было сделать. Сыновей баронессы определили в Кадетский корпус, тогда Пажеский корпус не был особым заведением. Ангальт из кадет выбирал лучших в пажи. Они жили в особом доме по поступлении их в пажи. А дочерей пустили с баронессой в Гатчину. Она произвела самое приятное впечатление на великого князя и великую княгиню, сделалась доверенным лицом и другом и оказала им величайшие услуги. Она одна умела постоянно сглаживать спор между обоими дворами. Её дочери оставались у великих княжён».

И далее, как и по поводу многих интересных эпизодов, содержащихся в книге, А. О. Смирнова-Россет называет источник:

«Эту историю мне рассказывал Александр Федорович Барятинский, он и теперь ещё нашим консулом в Лондоне. От него я узнала очень интересные вещи. Он человек умный, образованный, не знаю, зачем его не назначили давно уже посланником куда-нибудь».

У баронессы Ливен был сильный, волевой характер, она не боялась отстаивать своё мнение даже перед императрицей, которая, кстати, уважала таких людей. Однажды, случайно услышав разговор баронессы с одним из придворных, в котором та высказала своё мнение о нравах при дворе и даже сказала несколько критических слов о самой императрице, хотя не могла не понимать, что их могут передать и даже наверняка передадут той, Екатерина заявила:

«Вот именно такая женщина, какая мне нужна».

Порядок при дворе императрицы Екатерины был таков. Великие князья и великие княгини до семилетнего возраста находились на воспитании женщин, руководить которыми и

поставили Шарлотту Ливен. С восьмилетнего возраста великие князья переходили под мужское воспитание и до пятнадцати лет состояли в «чину учимых», а уже потом их непосредственно готовили к государственной и военной службе и предстоящей женитьбе, которая чаще всего совершалась в интересах государственных.

Ну а великие княгини оставались на попечении Шарлотты Ливен вплоть до замужества.

Николай Павлович, уже будучи императором, в своих записках рассказывал о детских и юношеских годах своих и своих братьев и сестёр:

«Образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей за исключением этикета, которому тогда придавали необычайную важность. С момента рождения каждого ребёнка к нему приставляли английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырёх нянек или горничных, кормилицу, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев и восемь истопников. Во время церемоний крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицу. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга в фижмах, в высокой причёске, напудренную, напудренную и затянутую в корсет до души...»

Всей этой немалой по численности командой руководила, как уже упоминалось, Шарлотта Карловна Ливен, наверное, единственная в России женщина, которая заслужила самоотверженным трудом своим сначала графский, а затем и княжеский титулы.

Дочь Павла Петровича, Анна Павловна, будущая королева Нидерландская, вспоминала о его отношении к детям:

«Мой отец любил окружать себя своими младшими детьми и заставлял нас, Николая и Михаила и меня, являться к нему в комнату играть, пока его причёсывали, в единственный свободный момент, который был у него. В особенности это случалось в последнее время его жизни. Он был нежен и так добр с нами, что мы любили ходить к нему. Он говорил, что его отдалили от его старших детей, отобрав их от него с самого рождения, но что он желает окружить себя младшими».

О том же сохранились довольно подробные воспоминания барона М. А. Корфа, который указывал в них:

«Великих князей Николая и Михаила Павловичей он (Павел Петрович. – *Н.Ш.*) обыкновенно называл «мои барашки, мои овечки», и ласкал их весьма нежно, что никогда не делала их мать. Точно так же, в то время как императрица обходилась довольно высокомерно и холодно с лицами, находящимися при младших её детях, строго заставляя соблюдать в своём присутствии придворный этикет, который вообще любила, император совсем иначе обращался с этими лицами, значительно ослаблял в их пользу этот придворный этикет, во всех случаях и им самим строго наблюдавшийся. Таким образом, он позволял нянюшке не только при себе садиться, держа великого князя на руках, но и весьма свободно с собой разговаривать; нередко нагибался сам, чтобы достать с пола какую-то игрушку или вещь, выроненную ребёнком или нянею, которой тогдашние робронды, причёски, перья и фижмы были и без того уже значительной помехой во всяком свободном движении, императрица со своей стороны, не обращая ни малейшего внимания на эти неудобства и маленькие мучения няни или гувернанток, никогда не устаивала их ни малейшего смягчения в чопорном этикете тогдашнего времени, а так как этот этикет простирался и на членов императорской фамилии, то Николай и Михаил Павловичи в первые годы детства находились со своей августейшей матерью в отношениях церемонности и холодной учтивости и даже боязни; отношения же сердечные, и при этом самые тёплые, наступили для них лишь впоследствии, в годы отрочества и юности».

Николай Дмитриевич Тальберг писал: «Император Павел особенно любил этого сына (Николая. – *Н.Ш.*)». Коцебу в воспоминаниях указывал, что когда княгиня Дашкова попала в немилость, то заступники её придумали для её помилования вложить прошение за пазуху мла-

денца Николая, император Павел, лаская ребёнка, заметил эту бумажку. Он разрешил княгине переехать из пошехонской избы в её прекрасное имение Троицкое.

Своих внуков и внучек императрица Екатерина Великая воспитывала в чисто русском стиле, на добрых русских традициях. Это воспитание распространялось и на жён старших внуков, Александра и Константина, Елизавету Алексеевну, урождённую Луизу Марию Августу Баденскую, и Анну Фёдоровну, урождённую Юлиану Генриетту Ульрику фон Саксен-Кобург-Заальфельд.

Так, в феврале 1796 года Екатерина II писала барону М. Гримму:

«Вчера на маскараде великие княгини Елизавета, Анна, княжны Александра, Елена, Мария, Екатерина, придворные девицы – всего двадцать четыре особы, без кавалеров, исполнили русскую пляску под звуки русской музыки, которая привела всех в восторг, и сегодня только и разговоров об этом и при дворе, и в городе. Все они были одна лучше другой и в великолепных нарядах».

Тут надо заметить, что старшей из сестёр, Александре Павловне, было тринадцать, а младшей, Екатерине Павловне – восемь лет. Не танцевала из дочерей Павла Петровича только Анна, которой было тогда чуть больше года.

Ну а Екатерина Павловна в восемь лет уже танцевала наравне со старшими. Впрочем, она и во всём с самых ранних лет показывала необыкновенные способности, особенно делала успехи в науках и в изучении языков. Успешно овладела французским, немецким и английским языками, но что особенно важно, превосходно говорила и писала на русском, а ведь хорошие знания родного языка в ту пору в высших кругах были редкостью.

Братья и сёстры звали её Катиш.

Русский писатель и драматург-переводчик, известный главным образом своими мемуарами, Степан Петрович Жихарев, встретив однажды в Павловске великую княгиню Екатерину Павловну, с восторгом написал:

«Великая княжна Екатерина Павловна – красавица необыкновенная; такого ангельского и вместе умного лица я не встречал в моей жизни, оно мерещится мне и до сих пор... Она была совершенная красавица с тёмными каштановыми волосами и необыкновенно приятными, добрыми карими глазами. Когда она входила, делалось будто светлее и радостнее».

Сардинский посланник в России граф Жозеф-Мари де Местр докладывал в Италию:

«Ничто не сравнится с добротой и приветливостью великой княгини. Если бы я был живописцем, я послал бы вам изображение её глаз. Вы бы увидели, сколько природа заключила в них доброты и ума».

Кстати, Катиш прекрасно рисовала, и уроки живописи давал ей мастер исторического жанра и автор целого ряда знаменитых в ту пору картин на религиозные темы Алексей Егорович Егоров, который, кстати, учил рисованию и императрицу Елизавету Алексеевну.

О своей ученице Екатерине Павловне он сказал: *«Не будь она дочерью императора, она в Италии была бы величайшей художницей».*

Что ж, ведь и отец Катиш, Павел Петрович, в отрочестве своём заслужил подобную же похвалу от своего учителя математики Семёна Андреевича Порошина...

«Если б Его Высочество человек был партикулярной и мог совсем предаться одному только математическому учению, то б по остроте своей весьма удобно быть мог нашим российским Паскалем».

Была Екатерина Павловна и приятной собеседницей, умела рассуждать на самые различные, а в том числе и политические и даже – вот уж внучка своей великой бабушки – военные темы. Ведь известно, что у императрицы Екатерины Великой был, можно сказать, полководческий ум. Ну а что касается её любимой внучки, то впереди ещё будет возможность убедиться в том, насколько прозорлива была она и в военных вопросах, причём, в том числе и в вопросах стратегических.

Потрясение 11 марта 1801 года

Детство великой княжны Екатерины Павловны окончилось рано...

До 11 марта 1801 года она не знала трагедий, кроме смерти бабушки в 1796 году. Но так уж устроен мир, что рано или поздно бабушки и дедушки уходят в мир иной. О своём деде Катиш слышала мало, да и слышала-то не о настоящем деде, а о супруге бабушки, императоре Петре Третьем, который умер вскоре после свержения с престола. Что там произошло, разобратся в столь нежном возрасте было сложно. Ну а державную бабушку, конечно, было жаль, но тут отдавалось должное неумолимому току времени. Жаль было и крошечную сестрёнку Ольгу, родившуюся в 1792 году и уже в 1795-м покинувшую этот мир. Но и тут есть объяснение – слишком велика была детская смертность именно в раннем возрасте, даже документы, свидетельствующие о рождении, выдавали родителям только на детей, достигших пятилетнего возраста.

И вдруг в марте 1801 года одновременно два удара прогремело над головой тринадцатилетней великой княжны Екатерины Павловны. Первый удар – внезапная смерть отца, которому шёл всего лишь сорок седьмой год, то есть смерть в расцвете сил... И смерть, окутанная страшной тайной, которая произошла, якобы, от апоплексического удара, во что с самого начала никто не поверил. А следом пришло сообщение из Австрии о том, что в мир иной ушла старшая, любимая сестра Александра Павловна... Но в страшную ночь на 12 марта об этом при дворе ещё не знали – был долг в то время путь сообщений, даже срочных...

Ранним утром 12 марта мать – Мария Фёдоровна, – ставшая несколько часов назад вдовствующей императрицей, разбудила детей и срочно, под охраной конвоя, перевезла их из Михайловского замка в Зимний дворец.

Ещё не понимая, что произошло, Катиш, её старшая сестра Мария, младшие братья Николай и Михаил, которому едва исполнилось три годика, и сестрёнка Анна, заспанные, едва оторванные от сна, испуганно забились в карету и притихли.

Старшие сыновья Павла уже отправились в Зимний дворец, причём, ехали в обыкновенной карете. Эту карету видела из окна княгиня Дарья Христофоровна Ливен – супруга сына Шарлотты Карловны Ливен. Она, «знаменитая “светская львица” первой половины XIX века, тайный агент русского правительства в Лондоне и Париже, прозванная «дипломатической Сивиллой» рассказала о том в своих записках:

«Но вот послышался отдалённый шум, в котором мне почудился стук колес. Эту весть я громко возвестила мужу, но прежде, чем он перешёл в спальню, экипаж уже проехал. Очень скромная пароконная каретка (тогда как все в ту пору в Петербурге разъезжали четвериком или шестериком); на запятках, впрочем, выездных лакеев заменяли два офицера, а при мерцании снега мне показалось, что в карете я вижу генерал-адъютанта Уварова. Такой выезд представлялся необычайным. Мой муж перестал колебаться, вскочил в сани и отправился в Зимний дворец.

Моя роль на этом и окончилась. Все последующее я сообщаю со слов мужа и свекрови.

Экипаж, который я видела, вез не Уварова, но великих князей Александра и Константина. Выхав по Адмиралтейскому бульвару к противоположному краю Зимнего дворца, муж действительно увидел в кабинете великого князя Александра освещение, но по лестнице поднимался очень неуверенно».

Марии Фёдоровне в ту страшную ночь было беспокойно, ведь вокруг – одни враги. Она ещё не знала, что заговорщики, собравшиеся на пьянку перед своим ужасающим преступлением, готовы были на всё.

Николай Александрович Саблуков в своих записках указал на то, что банда сановных уголовников обсуждала и более кровавый сценарий:

«Вечером 11 марта заговорщики разделились на небольшие кружки. Ужинали у полковника Хитрово, у двух генералов Ушаковых, у Депрерадовича (Семёновского полка) и у некоторых других. Поздно вечером все соединились вместе за одним общим ужином, на котором присутствовали генерал Беннигсен и фон дер Пален. Было выпито много вина, и многие выпили более, чем следует. Говорят, что за этим ужином лейб-гвардии Измайловского полка полковник Бибииков, офицер, находившийся в родстве со всею знатью, во всеуслышание заявил мнение, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла; что России не легче будет с остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отделаться от них всех сразу. Как ни возмутительно подобное предположение, достойно внимания то, что оно было вторично высказано в 1825 году, во время заговора, сопровождавшего вступление на престол императора Николая Первого».

На кого было надеяться? На нового, дрожавшего от страха при вступлении на престол, императора? Быть может, именно уверенность в том, что он будет полностью управляем, заставила сановных уголовников отказаться от истребления всей царской семьи. Уж кому-кому, а Марии Фёдоровне было известно, кто скрывался на протяжении всего царствования Павла Первого под именем цесаревича Александра, а теперь скрывается уже под титулом императора Александра Первого.

Но об этом имеет смысл подробно поговорить в главе, посвящённой тому, каким образом и сам император, ставший известным под именем Александра Первого, едва не лишился престола, а может даже, как предполагали некоторые современники, и жизни.

Одним словом, на этого человека надежды было мало. Да и все, на кого можно было рассчитывать Марии Фёдоровне, оказались ко времени переворота либо в ссылке, либо в могиле. Заговорщики сумели организовать опалу и Фёдору Васильевичу Ростопчину, и Алексею Андреевичу Аракчееву, добились казни по ложному обвинению приближённых к императору офицеров братьев Грузиновых и полковника Грекова.

Перед самым покушением был удалён из дворца и караул, которым командовал полковник Николай Александрович Саблуков.

Кто же оставался? Князь Пётр Иванович Багратион? Вскоре после возвращения из Итальянского и Швейцарского походов Суворова, он был назначен шефом лейб-гвардии егерского полка и на него возложена охрана царской семьи. Правда, осуществлял он эту охрану тогда, когда семья выезжала в Павловск, то есть в летние месяцы. Фактически он исполнял эти обязанности с 1800 по 1811 годы, прерывая их только на время своих многочисленных боевых походов.

А вот в марте 1801 года и его под благовидным предлогом отправили подальше от столицы.

Багратион не только не был участником заговора, но даже не ведал о нём. В дальнейшем это обстоятельство позволило Марии Фёдоровне полагаться на него, когда возникала такая необходимость. Багратион на долгое время стал почти что единственным человеком, которому она доверяла. Ну а юная Катиш и вовсе увлеклась князем...

Когда это могло случиться, доподлинно неизвестно. Багратион часто бывал при дворе, поскольку пользовался особым расположением императора Павла Петровича. И в сентябре 1800 года совсем ещё юная Катиш стала свидетельницей бракосочетания генерала.

Тогда же она, великая княгиня Екатерина Павловна, увидела, хотя, скорее всего тоже не впервые, другую Екатерину Павловну, урождённую Скавронскую, которая стала супругой князя Петра Ивановича Багратиона.

Ну а с Багратионом мимолётные встречи случались довольно часто, поскольку он в первое время после своего назначения почти постоянно бывал в Павловске. Ну а Павловск императрица Мария Фёдоровна превратила в жемчужину. Вот как представлен он в записках Николая

Александровича Саблукова (1776–1848), генерал-майора, автора «Записок» о времени императора Павла I и жестоком убийстве.

«Павловск, принадлежавший лично императрице Марии Феодоровне, был устроен чрезвычайно изящно, и всякий клочок земли здесь носил отпечаток ея вкуса, наклонностей, воспоминаний о заграничных путешествиях и т. п. Здесь был павильон роз, напоминавший триантонский; шале, подобная тем, которая она видела в Швейцарии; мельница и несколько ферм наподобие тирольских; были сады, напоминавшие сады и террасы Италии. Театр и длинные аллеи были заимствованы из Фонтенебло, и там и сям виднелись искусственные развалины. Каждый вечер устраивались сельские праздники, поездки, спектакли, импровизации, разные сюрпризы, балы и концерты, во время которых императрица, ея прелестная дочери и невестки своею приветливостью придавали этим развлечениям восхитительный характер. Сам Павел предавался им с увлечением».

Трагическое супружество Александры Павловны

Трагедия 11 марта 1801 года затушевала в истории другую трагедию семьи императора Павла Петровича. За несколько дней до его зверского убийства шайкой сановных уголовников, в далёком Будапеште ушла из жизни старшая его дочь Александра Павловна.

Всего у Павла Петровича и Марии Фёдоровны было четыре сына и шесть дочерей. Правда одна из дочерей, Ольга Павловна (1792–1795), умерла в раннем детстве. Впрочем, детская смертность в те годы не была чем-то необычайным. Итак, десять детей в браке. Но были у Павла Петровича ещё внебрачные сын и дочь, о которых ещё будет повод поговорить. Пока же остановимся на старшей дочери, Александре Павловне.

О ней, старшей своей внучке, родившейся 29 июля 1783 года, императрица Екатерина Великая отзывалась так:

«До шести лет она ничем не отличалась особенным, но года полтора тому назад вдруг сделала удивительные успехи: похорошела, выросла и приняла такую осанку, что кажется старше своих лет. Она говорит на четырёх языках, хорошо пишет и рисует, играет на клавесине, поёт, танцует, понимает всё очень легко и обнаруживает в характере чрезвычайную кротость. Я сделалась предметом её страсти, и чтобы мне нравиться и обратить на себя моё внимание, она, кажется, готова кинуться в огонь!»

Вскоре после рождения, в 1783 году, государыня написала своему постоянному корреспонденту в Европе барону Гримму:

«Моя записная книжка на днях умножилась барышней, которую в честь её старшего брата назвали Александрой. По правде сказать, я несравненно больше люблю мальчиков, нежели девочек...».

А позже, касаясь потомства своего сына Павла, поясняла, что его «дочери все будут плохо выданы замуж, потому что ничего не может быть несчастнее российской Великой Княжны».

Нельзя сказать, что в полном объёме сбылись эти пророчества, но во многом императрица, к сожалению, оказалась права:

Государыня очень переживала за внушек своих и внуков. Известно даже, что, когда возникли непредвиденные препятствия к браку Александры Павловны со шведским королём Густавом IV, который настаивал на перемене Александрой Павловной веры, и брак по существу расстроился, у Екатерины Алексеевны случился удар. По мнению некоторых биографов, именно этот удар положил начало той болезни, что свела её в могилу. Конечно, здесь есть некоторое преувеличение, но удар – видимо так именовали в ту пору гипертонический криз – всё-таки был.

Но для чего же понадобилось искать жениха именно в Швеции? Ответ мы найдём в письме императрицы Екатерины II барону Гримму, отправленном в апреле 1795 года.

«Я могу смело сказать, что трудно найти равную ей (великой княжне Александре Павловне. – Н.Ш.) по красоте, талантам и любезности, не говоря уже о приданом, которое для небогатой Швеции само по себе составляет предмет немаловажный. Кроме того, брак этот мог бы упрочить мир на долгие годы».

Настало время установить хорошие отношения с северным соседом. Ведь только в XVIII веке Россия воевала со Швецией трижды. С 1700 по 1721 годы была наиболее продолжительная война, названная Северной. Затем снова грянула уже более короткая русско-шведская война (1741–1743 гг.). И уже в царствование императрицы Екатерины Второй пришлось снова воевать с 1788 по 1790 годы. Три войны в общей сложности продолжались около четверти века.

Ну что ж, брак со шведским королём не состоялся. Нужно было думать о каком-то другом варианте, разумеется, полезном для России – такова участь великих княжён, недаром названная императрицей тяжёлой.

Александра Осиповна Смирнова-Россет рассказала:

«Две старшие дочери великой княгини были необыкновенной красоты, стройные, как пальмы, и когда Александре Павловне исполнилось семнадцать лет, Екатерина вызвала наследника шведского престола в надежде, что он женится на ней. Все знают, что этот брак не состоялся, потому что принц, обещавший, что великой княгине будет церковь, вдруг отказался от своих слов. Когда Густав должен был бежать, в отместку за обиду бабки и сестры император поддержал Бернадота. И с вступлением новой династии Швеция лишилась поддержки Франции и сделалась совершенно безопасна для России.

Но возвращаясь к великому князю и великой княгине. Екатерина послала их путешествовать... В Вене их приняли со всевозможными аттенциями (аттенция – уважительная благосклонность. – *Н.Ш.*), и тут они просватали Александру Павловну за эрцгерцога палатина Венгерского с условием, что великая княжна сохранит свою религию. Построена была церковь, но говорят, что под тем или другим предлогом бедную великую княжну отдаляли, как можно чаще, от исполнения её духовных обязанностей. Вскоре получили известие, что красавица в полном цвете лет скончалась. В Германии прошла молва, что какой-то венгерский граф, её камергер, чтобы избавить юную несчастную жертву фанатизма, предложил ей ехать в Германию, где она и скончалась, но это чистая сказка. Воспитанная в самых строгих правилах, великая княгиня безропотно переносила страдания нравственные, пока ей позволяли физические силы».

Мифы всегда сопровождали жизнь дома Романовых. Действительность оказалась куда более драматичной.

Исходили ли идея о выдаче замуж великой княжны Екатерины Павловны от её родителей или, скорее, это была инициатива Венского двора, сказать трудно. В Википедии, к примеру, высказано предположение, что «австрийский дом, ввиду опасности, угрожавшей Австрии со стороны французской республики, искал всеми средствами сближения с Россией».

Впрочем, и для России были важны добрые отношения с Австрией, которая при императоре Иосифе II была союзницей в войне с Османской империей, император Иосиф писал императрице: «Получив известие, что один из слуг Ваших в Константинополе посажен в семибашенный замок, я, другой слуга Ваш, посылаю против мусульман всю мою армию».

Правда, после смерти Иосифа и вступления на престол младшего брата Леопольда II, поскольку у Иосифа не было наследников, отношения между Австрией и Россией несколько ухудшились. Правда царствовал он недолго, а после его смерти 1 марта 1792 года на престол вступил племянник Франц I, ставший последним императором Священной Римской империи, которая в столь высоком статусе просуществовала при нём до 6 августа 1806 года... А ведь основана она была ещё в древние времена, в 962 году восточно-франкским королём Оттоном I Великим и считалась правопреемницей античной Римской империи и франкской империи Карла Великого. С 1512 года в названии произошло некоторое изменение. Она стала официально именоваться Священной Римской империей германской нации, правда, это добавление было малоупотребительно и таким образом малоизвестно.

Все эти данные понадобятся нам не только для понимания той трагедии, которая произошла с великой княжной Александрой Павловной, но и для характеристики одного из женихов главной героини книги Александры Павловны.

Итак, по обоюдному согласию венского и петербургского дворов решено было сочетать в браке великую княжну Александру Павловну и эрцгерцога палатина Венгерского Иосифа. В Венгерском королевстве в ту пору палатином, а иногда вице-королём, именовался член правя-

щей династии, занимавший высшую после короля государственную должность и совмещавший функции премьер-министра и верховного судьи королевства.

Весной 1799 года эрцгерцогом австрийским Иосифом был подписан контракт о браке его с великой княжной Александрой Павловной.

Бракосочетание состоялось в Гатчине 19 октября 1799 года.

Пророчество, уже ушедшей к тому времени в мир иной императрицы Екатерины II относительно судьбы её внучек началось сбываться...

В Википедии говорится: «В замужестве великая княгиня Александра Павловна прожила только 15 месяцев, испытав такие огорчения, которые могли бы сломить и всякую другую, сильнейшую и более подготовленную к борьбе, натуру».

Отправляясь с супругом на его родину, Александра Павловна уговорила поехать с ней Андрея Афанасьевича Самборского, который ещё в 1781 году сопровождал в путешествии по Европе великого князя Павла Петровича и великую княгиню Марию Фёдоровну в качестве их духовника. План путешествия был составлен самой императрицей Екатериной, и одним из важных его пунктов было посещение в Австрии, в то время ещё Священной Римской Империи. Путешествовала великокняжеская чета под именем графа и графини Северных. Отправились в путь во второй половине сентября 1781 года из Царского Села. Сам император Иосиф II, добрый союзник государыни, встретил их на границе, и 10 ноября граф и графиня Северные прибыли в Вену, где пробыли в гостях у императора вплоть до 24 декабря.

Вскоре после путешествия отец Андрей Самборский был определён императрицей законоучителем и преподавателем английского языка к великому князю Александру Павловичу и его брату Константину Павловичу, а позже и к великим князям – Александре, Елене и Марии Павловнам.

К порученному делу он отнёсся со всею ответственностью, о чём писал супруге: «Так как эта должность имеет важнейшее значение для нашего Отечества и, можно сказать, для всего человечества, то я обязан пройти чрез самое строгое самоиспытание... Со всевозможным усердием и бдительностью должен я начать мою священную обязанность».

И вот эта священная обязанность привела его вслед за Александрой Павловной на передний край борьбы за православие в Венгрию, входившую в состав Священной Римской империи. Он ехал как духовник великой княгини, ставшей палатиной Венгерской, и настоятель ее домово́й церкви.

В Википедии на основе воспоминаний современников рассказывается:

«Первое появление Александры Павловны при венском дворе не предвещало ничего доброго, император Франц I, поражённый сходством палатины со своей покойной первой супругой (Елисаветой, принцессой виртембергской, родной сестрой императрицы Марии Феодоровны) не мог скрыть волнения от ревнивых взоров императрицы Терезии, которая возненавидела великую княгиню. Эрцгерцог Иосиф не мог оградить, по слабости характера, свою супругу от оскорблений новой родни. Обещания относительно свободы вероисповедания оказались ложными».

Новая родня придиралось ко всему, к чему можно придраться, а тут ещё упорство юной палатины в сохранении веры Отеческой – Православия, в чём её твёрдо поддерживал и духовник. Венский двор был возмущён тем, что Александра Павловна не желает принять веру своего супруга.

И далее: «Кардинал Батиани и целый сонм иезуитов старались совратить великую княгиню в католицизм. Иезуиты всячески притесняли о. Самборского, обвиняли его в неуважении к католической церкви и препятствовали устройству православного храма в Офене, резиденции палатины Венгерской. Несмотря на все происки, православная церковь была освящена и, посещаемая в праздничные дни великой княгиней, наполнялась православными из славянского населения Венгрии. Это до такой степени раздражало австрийское правительство, что,

например, в первые дни Пасхи 1800 года полиция под предлогом многочисленного стечения народа разогнала почти всех православных из храма».

А тут ещё стали множиться и развиваться славянские национальные движения в империи, сотканной из разных лоскутков, трудно сочетавшихся между собой. Венский двор реагировал жёстко, а Самборский открыто поддерживал славян, ну и полностью солидарна была с ним и палатина Александра Павловна. Это уже окончательно вывело из терпения руководство империи. Как известно расправы над неудобными применялись во все века самые разнообразные, начиная от прямого убийства, отравления и кончая косвенным содействием гибели, скажем, неоказания своевременной медицинской помощи, назначения либо врачей-убийц, либо просто никчёмных лекарей. Вновь обратимся к фактам, изложенным в Википедии:

«При беременности Александра Павловна была доверена невежественному и грубому доктору, по приказанию императрицы Терезии. Советы к сбережению здоровья палатины давались совершенно наперекор гигиеническим условиям. Беременность Александры Павловны внушала австрийскому двору опасения из соображений политических. Рождение младенца мужского пола могло повлечь за собой (по мнению венского кабинета) отложение Венгрии от австрийского владычества. При разрешении великой княгини от бремени уход был, по мнению о. Самборского, намеренно плохой. Младенец (девочка) жил только несколько часов. На девятый день Александре Павловне позволено было встать, а на другой день, 4 марта 1801 г., она скончалась от молочной горячки...»

Одним словом, налицо было умышленное убийство, завуалированное под неудачные роды. И если бы рядом не было отважного и твёрдого духовника, у которого не было средств повлиять на сами по себе роды, но который сумел во всяком случае вскрыть подлые замыслы, то так бы и сошло – умерла от родов, да и все дела.

И тут же были пущены слухи, что перед смертью палатина Александра Павловна добровольно перешла в католичество.

В Универсальной энциклопедии говорится: Самборскому стоило больших усилий настоять на подобающей высочайшей особе торжественности погребения и опровергнуть распространённое повсюду иезуитами известие, будто покойная перед смертью приняла католицизм. С этою последнею целью Самборский успел издать гравированное изображение отпевания великой княгини в православной церкви».

Известие о кончине Александры Павловны обрушилось на семью императора почти одновременно с сообщением о его «апоплексическом ударе», поскольку великая княжна, ставшая палатиной Венгерской, ушла из жизни за неделю до гибели отца 4 марта 1801 года.

Н. А. Саблуков сообщает о том, что о болезни Александры Павловне было известно: «Около этого времени великая княгиня Александра Павловна, супруга эрцгерцога Иосифа, палатина Венгерского, была при смерти больна, и известие о её кончине ежечасно ожидалось из Вены...»

И далее он рассказывает о том, что Мария Фёдоровна с часу на час ждала известия о судьбе дочери Александры:

«Как только шталмейстер Сергей Ильич Муханов, состоявший при особе императрицы Марии Фёдоровны, узнал о том, что случилось, он поспешно разбудил графиню Ливен, старшую статс-даму и воспитательницу августейших детей, ближайшего и доверенного друга императрицы, особу большого ума и твердого характера, одаренную почти мужскою энергиею.

Графиня Ливен отправилась в опочивальню ея величества. Было два часа пополудни. Государыня вздрогнула и спросила:

– Кто там?

– Это я, ваше величество!.

– О, – сказала императрица, – я уверена, что Александра умерла.

– Нет, государыня, не она...

– О! Так это император!..

При этих словах, императрица стремительно поднялась с постели и, как была, без башмаков и чулок, бросилась к двери, ведущей в кабинет императора, служивший ему и спальнею. Графиня Ливен имела только время набросить салоп на плечи её величества.

Между спальнями императора и императрицы была комната с особым входом и внутренней лестницею. Сюда введен был пикет семеновцев, чтобы не допускать никого в кабинет императора с этой стороны. Этот пикет находился под командою моего двоюродного брата, капитана Александра Волкова, офицера, лично известного императрице и пользовавшегося особым ея покровительством.

В ужасном волнении, с распущенными волосами и в описанном уже костюме, императрица вбежала в эту комнату с криком: «Пустите меня! пустите меня!»! Гренадеры скрестили штыки. Со слезами на глазах она обратилась тогда к Волкову и просила пропустить её. Он отвечал, что не имеет права. Тогда она опустилась на пол и, обнимая колена часовых, умоляла пропустить её. Грубые солдаты рыдали при виде ея горя, но с твердостью исполнили приказ. Тогда императрица встала с достоинством и твердою походкой вернулась в свою спальню. Бледная и неподвижная, как мраморная статуя, она опустилась в кресло и в таком состоянии ее одели.

Муханов, её верный друг, был первым мужчиною, которого она допустила в свое присутствие, и с этой минуты он постоянно был при ней до самой смерти».

Императрица Екатерина Великая, так переживавшая то, что расстроился брак со шведским королём, не дожидая до гибели первой своей внучки, умницы и красавицы. Она пережила все тревоги и волнения заранее, она словно чувствовала, что ждёт дочерей Павла Петровича в их нелёгкой судьбе великих княжён Российских.

Государыня перенесла на детей Павла Петровича всю ту нерастрченную любовь к своим чадам, которую не растратила вовсе не по своей вине. Известно ведь, что императрица Елизавета Петровна сразу после рождения Павла забрала ребёнка к себе и занялась им, словно настоящая мать. Сама Екатерина Алексеевна так рассказывала в своих «Записках...»:

«Со следующего дня (после родов) я начала чувствовать невыносимую ревматическую боль... и при том я схватила сильную лихорадку. Несмотря на это, на следующий день мне оказывали почти столько же внимания; я никого не видела, и никто не справлялся о моём здоровье... Я то и дело плакала и стонала в своей постели».

Даже на крестины маленького Павла её не пригласили:

«На шестой день были крестины моего сына; он уже чуть не умер от молочницы. Я могла узнавать о нём только украдкой, потому что спрашивать об его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нём императрица, и это могло быть принято дурно. Она и без того взяла его в свою комнату и, как только он кричал, она сама к нему подбегала и заботами его буквально душила...».

Увидеть сына позволили лишь спустя почти полтора месяца:

«Когда прошло 40 дней со времени моих родов, сына моего принесли в мою комнату: это было в первый раз, что я его увидела после рождения. Я нашла его очень красивым, и его вид развеселил меня немного; но в ту же самую минуту, как молитвы были кончены, императрица велела его унести и ушла...».

Великие княжны должны были служить государственным интересам России – таковы сложились традиции. И эти традиции приводили к любовным трагедиям и драмам.

«Ничего не может быть несчастнее русской Великой Княжны»

Исполнена трагизма и судьба второй внучки императрицы Екатерины Великой, родившейся 13 декабря 1784 года. Государыня писала о ней: *«Малютка эта – чрезвычайной красоты, вот почему я назвала её Еленой, то есть в честь троянской красавицы Елены Прекрасной»*. А чуть позже с необыкновенным чувством любви и нежности к внучке сообщала барону Гримму: *«...прекрасная Елена процветает и ей-ей в шесть месяцев она уже умнее и живее старшей сестры, которой на той неделе будет два года...»*

И снова перед нами суровая судьба – судьба русской великой княжны. Жениха выбирали по соображениям политическим и дипломатическим. Было в Европе небольшое государство, именуемое герцогством Мекленбургским. Основанное в древние времена, оно своим выгодным расположением в центре Европы привлекало многих завоевателей, а потом в разгар Северной войны, в 1716–1717 году по союзному договору перешло во временный протекторат России. Позднее в результате внутрисударственных конфликтов и раздоров оно ослабло настолько, что стало считаться одним из самых слабых владений Священной Римской империи. Тем не менее, расположение его привлекало по-прежнему многие страны, и России, в преддверии неизбежных столкновений с Францией, было выгодно привязать его к себе. Ну а для этого решено было выдать за принца Мекленбург-Шверинского великую княжну Елену Павловну. Принцы *Фредерик и Карл были приглашены в Петербург*.

Граф Фёдор Васильевич Ростопчин написал о женихе Фридерике (Фридрихе): «Принц – человек жеманный, в сущности простоватый и невежественный, но добрый малый...».

12 октября 1799 года в Гатчине Елена Павловна вышла замуж за наследного принца Фридриха Людвига Мекленбург-Шверинского, и в камер-фурьерском журнале этому событию была посвящена запись: «Двенадцатого октября. День бракосочетания ея императорского высочества великой княжны Елены Павловны с наследным принцем Мекленбург-Шверинским Фредериком. При пении «Тебе Бога хвалим» произведён был 101 пушечный выстрел...»

Казалось, в жизни Елены Павловны складывалось всё совершенно не так, как у старшей сестры. Любящий муж, прекрасный приём у него на родине. Рождение сына и дочери. Всё складывалось так удачно, так счастливо...

Но... судьба и к Елене Павловне оказалась немилосердна.

Смертельная в те времена чахотка унесла её 24 сентября 1803 года, когда ей не исполнилось ещё и девятнадцати лет.

Говорят, пришла беда – отворай ворота... Можно представить себе, каково было Марии Фёдоровне, потерявшей сначала в 1795 году двухлетнюю дочь, затем в течении трагической мартовской недели 1801 года супруга и старшую дочь, и вот теперь лишившейся второй дочери.

К этому ещё нужно добавить тайну её старшего сына Александра Павловича, которой мы ещё коснёмся в последующих главах.

На кого опереться, когда кажется, что вокруг одни враги, готовые растерзать всю династию, ведь впоследствии стало известно о таковых коварных планах заговорщиков...

Не случайно она, вдовствующая императрица, обратила свой взор на князя Петра Ивановича Багратиона, который стал единственной её надеждой.

Багратион, как спаситель от шайки сановных уголовников

Настало время сказать несколько слов о брачном союзе князя Багратиона, и о новоиспечённой княгине Екатерине Павловне, поскольку этот брачный союз, хотя и косвенно, но всё же оказал некоторое влияние и на судьбу великой княгини Екатерины Павловны.

Но... Обо всём по порядку.

Известно, что император Павел I благоволил к Петру Ивановичу Багратиону.

Знал он беду князя. Отважный воин, славный военачальник, которого называли «генералом по образу и подобию Суворова» был человеком широкой, доброй души, но внешностью не вышел. Строен, подтянут, да лицом не красив. Известна шутка, относящаяся, правда, к более позднему времени, к кампании 1807 года.

Адъютантом к князю Багратиону был назначен Денис Давыдов, в то время уже получивший известность, благодаря своим, зачастую, дерзким стихам. Помнил Багратион о стихотворении Дениса Давыдова, в котором тот слегка высмеял его длинный нос, а потому сразу сказал со свойственным ему юмором явно робевшему перед первой встречей с ним юному гусару:

– А вот и тот, кто потешался над моим носом.

Денис Давыдов нашёлся. Он заявил, что шутку свою в стихах отпустил из зависти, поскольку у него самого нос был совсем маленьким. Багратион рассмеялся и с тех пор сам любил подшучивать и над собою, и над своим адъютантом. Когда докладывали ему, что противник, мол, «на носу», сразу переспрашивал:

«На чьём носу? Если на моём, то можно ещё отобедать, а если на Денисовом, то – по коням!»

Да, лицо Багратиона портил длинный нос. Ну а у Дениса Давыдова, напротив, нос был маленький, да и не особо влиял на внешность своего хозяина.

Багратион балов не любил. Но всё же бывал в светском обществе. Ну и однажды, после возвращения из Швейцарского похода, повстречал необыкновенную красавицу, которая пронзила его сердце раз и навсегда. То была Екатерина Павловна Скавронская, по словам генерала графа Александра Фёдоровича Ланжерона, «самая живая из красавиц Петербурга».

Родилась она 7 декабря 1783 года, и в то время, когда встретил её князь Пётр Иванович Багратион, шёл ей семнадцатый год. И вот в эту, совсем ещё юную, «самую живую красавицу» страстно влюбился тридцатипятилетний князь Пётр Иванович.

Итальянский и Швейцарский походы 1799 года под знамёнами великого Суворова принесли Багратиону славу. Суворов характеризовал князя Петра Ивановича как «наилотличнейшего генерала и достойного высших степеней». Именно по представлению Александра Васильевича Багратиону был пожалован чин генерал-майора, а сам полководец подарил ему шпагу, ставшую предметом особой гордости князя.

Итак, Багратион прибыл в столицу в ореоле славы. Кончина Суворова в мае 1780 года опечалила русское общество, которое с ещё большим трепетом отнеслось к любимцу великого полководца.

Алексей Петрович Ермолов в своих записках отметил:

«Князя Багратиона счастье в средних степенях сделало известным и на них его не оставило. Война в Италии дала ему быстрый ход; Суворов, гений, покровительствовавший ему, одарил его славой, собрал ему почести, обратившие на него общее внимание. Поощряемые способности внушили доверие к собственным силам».

В 1800 году, в период недолгой для России мирной передышки, Багратион проходил службу в столице, причём император Павел постоянно оказывал герою монаршие милости, а неудачи в личной жизни, вызванные отчасти внешней непривлекательностью, а отчасти весьма умеренным достатком, принимал близко к сердцу.

Однажды доложили императору о том, что Багратион влюблён в Екатерину Павловну Скавронскую, юную красавицу, которая разбила не одно сердце столичных ловеласов. Известно, что Павел Петрович был скор на решения. А решение было, по его мнению одно: «немедля сделать счастье отважного генерала».

Быть может, он бы и не предпринял столь решительных действий, которые многие сочли сумасбродными, да узнал он и о том, что Екатерина Скавронская равнодушна к князю. Не ведал он, что юная красавица просто оказалась в безвыходном положении, несмотря на своё положение в обществе и несметное богатство. Она была, по отцу дочерью Павла Мартыновича Скавронского, внучатого племянника императрицы Екатерины I, а по материнской линии – Екатерины Васильевны, урождённой Энгельгардт, племянницы светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического.

По поводу того, каким образом удалось императору Павлу Петровичу решить полюбовно деликатный вопрос, касающийся женитьбы своего любимца, существует довольно распространённый анекдот, повторять который мы не будем. А обратимся к фактам.

После окончания очередных гатчинских манёвров Павел Петрович повелел князю Багратиону задержаться во дворце, пока не объясняя, что задумал. Готовил сюрприз? Возможно.

Между тем, уже скакал к матери юной красавицы курьер с приказанием облачить дочь в белое платье и немедленно доставить её в Гатчинский дворец.

Мать Екатерины, графиня Екатерина Васильевна Литта, была младшей дочерью сестры светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина, Елены Александровны Потёмкиной и смоленского помещика Василия Андреевича Энгельгардта.

В первом браке она была замужем за графом Павлом Мартыновичем Скавронским. От этого брака и была дочь Екатерина Павловна, назначенная императором в невесты князя Багратиона. Знаменитый мемуарист Филипп Филиппович Вигель называл Скавронского «женоподобным миллионером».

И сообщал о нём: «Молодой Скавронский, как говорят, был великий чудак: никакая земля не нравилась ему, кроме Италии, всему предпочитал он музыку, сам сочинял какой-то ералаш, давал концерты, и слуги его не иначе имели дозволение говорить с ним как речитативами, как нараспев».

Скавронский умер в 1794 году, и Екатерина Васильевна вышла замуж за графа Джулио Ренато Литта-Висконти-Арезе, известного в России как Юлий Помпеевич Литта.

Павел Мартынович Скавронский, покинув сей мир, оставил, как уже упоминалось выше, супруге, ну и естественно дочери огромное состояние, что неудивительно, поскольку он был последним представителем по мужской линии рода Скавронских. Получил известность в своё время как меломан, выслужил чин камергера и назначение русским посланником при неаполитанском дворе.

Евгений Анисимов сообщил о Скавронских:

«Корень свой они вели от латышского крепостного крестьянина Карла Самуиловича, который, благодаря феноменальному успеху своей сестры Марты, ставшей императрицей Всероссийской Екатериной I Алексеевной, превратился в богатого помещика, графа и кавалера.

Сын Карла Мартын, благодаря чрезмерной длине своего языка, попал в Тайную канцелярию времен Анны Иоанновны, но отделался только поротой спиной. Он-то и был дедом невесты князя Багратиона. При своей двоюродной сестре императрице Елизавете Петровне он стал генерал-аншефом, камергером, обер-гофмейстером и сенатором. Тем не менее, для представителя древнейшего рода Багратионов брак с правнучкой крепостного крестьянина являлся

позорным мезальянсом. Но на дворе были уже иные времена, и графы Скавронские прочно заняли высокое место в русской элите».

Как свидетельствует камер-фурьерский журнал в записи от 26 августа 1800 года, «Их Величества возвращались из церкви в Кавалерскую комнату, где их благодарила фрейлина графиня Екатерина Павловна Скавронская за позволение вступить в брак с князем П. И. Багратионом».

То есть для графини Екатерины Васильевны и её дочери такое приглашение в Гатчинский дворец неожиданностью не было. Скорее всего, клеветники императора Павла Петровича несколько переусердствовали, добавляя к создаваемому ими лживому образу императора ещё и самодурство по насильственному соединению брачными узами своих подданных.

Впрочем, у Павла Петровича, который не без согласия обеих сторон содействовал бракосочетанию, не было сомнений, что он устраивает счастье любящих сердец.

Многие современники обращали внимание на то, что юная графиня никак не могла полюбить Петра Ивановича Багратиона, поскольку он был вдвое старше неё, да к тому же, мягко говоря, некрасив. Не будем повторять все злобные эпитеты, адресованные злопыхателями герою, сложившему голову за Россию. Что касается разницы в возрасте, то она не была нонсенсом для того времени. Ну а относительно внешности: во-первых, на Руси считалось, что «с лица не воду пить». А во-вторых, порой, и некрасивость скрадывается, если человек приятен в общении.

Вот что писал о Багратионе в своих знаменитых «Очерках Бородинского сражения» Фёдор Николаевич Глинка:

«Это был человек, которого усвоила история, который... одним личным достоинством вынудил себе всеобщее уважение; я не говорю уже о потомстве... Не спрашивая, можно было догадаться, при взгляде на его физиономию, чисто восточную, что род его происходит из какой-то области Грузии, и этот род был самым знаменитым по ту сторону Кавказа. Это был один из родов царственных... Этот человек и был, и теперь знаком всякому по своим портретам, на него схожим. При росте несколько выше среднего, он был сухощав и сложен крепко, хотя несвязно. В лице его были две особенные приметы: нос, выходящий из меры обыкновенных, и глаза. Если бы разговор его и не показался усеянным приметами ума, то всё ж, расставшись с ним, вы считали бы его за человека очень умного, потому что ум, когда он говорил о самых обыкновенных вещах, светился в глазах его, где привыкли искать хитрость, которую любили ему приписывать. На него находили минуты вдохновенья, и это случалось именно в минуты опасностей; казалось, что огонь сражения зажигал что-то в душе его, – и тогда черты лица, вытянутые, глубокие, вспрыснутые рябинами, и бакенбарды, небрежно отпущенные, и другие мелкие особенности приходили в какое-то общее согласие: из мужчины невзрачного он становился Генералом Красным. Глаза его сияли...».

Александр Васильевич Суворов говорил о нём: «В беседе с ним его не увидишь».

Кроме всего прочего, император полагал, что делал для своей дальней родственницы благое дело, доставляя ей знатность, коей как раз Скавронским и не хватало. Ведь род-то их, как сказано выше, происходил от литовского крестьянина, сестру которого Марту Самуиловну Скавронскую высмотрел царь Пётр в обозе воеводы Бориса Петровича Шереметьева, да и возвысил до царицы, а потом и императрицы российской.

Но знатность знатностью, да вот недостаток у князя невелик. Конечно, «бедность не порок», но ведь Скавронские жить-то привыкли на очень широкую ногу.

Итак, в шестнадцать тридцать в Белом зале Гатчинского дворца собрались приглашённые придворные вельможи с супругами. Присутствовали в зале и члены императорской фамилии – и цесаревич, и великие князья, и великие княжны. Шафером на свадьбе был сам император Павел Первый. Провёл обряд венчания дежурный просвирер церкви Гатчинского дворца Николай Стефанов.

Евгений Анисимов в книге «Генерал Багратион. Жизнь и война» пишет:

«Во всех биографиях Багратиона отмечается, что его женитьба была инициирована Павлом и его окружением. Отрицать это, учитывая личности посаженных отца и матери, мы не будем. Свадьба, сыгранная 2 сентября 1800 года в Гатчинском дворце, логична для ситуации, в которой оказался Багратион: его приблизили к трону, он командовал одной из гвардейских частей, и его женитьба была продолжением процедуры инкорпорации Багратиона в придворную среду. Невестой его стала фрейлина императрицы Катенька Скавронская, молодая и очень красивая девушка.

Свадьбу сыграли по высшему разряду – в императорской резиденции, венчали молодых в присутствии императора, императрицы и всего двора, в придворной гатчинской церкви. До этого невеста, одетая в русское платье, была введена её посаженным отцом графом Александром Сергеевичем Строгановым во внутренние покои императрицы Марии Федоровны, которая помогла убрать прическу невесты царскими бриллиантами. Хотя в камер-фурьерском журнале и не указано, но наверняка (таков был обычай) тут находилась и посаженная мать невесты, 22-летняя графиня А. П. Гагарина (урожденная Лопухина), камер-фрейлина, а потом статс-дама двора и последняя фаворитка императора Павла, осыпавшего её саму и её родственников разными милостями...

Венец над женихом держал генерал-адъютант князь Петр Долгоруков, с которым Багратион был в приятельских отношениях, а над невестой – кавалергард Александр Давыдов. После этого император и императрица пожаловали новобрачных к руке; последние, как отмечено в камер-фурьерском журнале, “с находящимися при них родственниками проходили по имеющейся со входа от двора лестнице в Картинную комнату, и для угощения в оной бывших с новобрачными гостей, как кофеем с десертом, так и после сего и вечерним столом, было откомандировано по одному из каждой должности официанту с помощниками”. После поздравлений Павел и Мария покинули празднество».

Спустя несколько дней, 5 сентября, новоиспечённая княгиня Екатерина Павловна Багратион в том же Гатчинском дворце благодарила императора за содействие в браке с Петром Ивановичем Багратионом.

Вскоре государь пожаловал ей орден Святого Иоанна Иерусалимского.

И всё же, почему Павел Петрович взялся за устройство счастья своего любимого генерала с таким энтузиазмом?

Наверняка всё заранее было оговорено с графиней Екатериной Васильевной Литта. Знал он, что матушка невесты мечтала о знатности. И действительно, сама-то она хоть и была сестрой великого Потёмкина, но сестрой... Слава и титулы светлейшего князя Таврического на сестёр и внучатых племянниц, естественно, не распространялась. Да и сама слава в период правления Павла Петровича несколько была затуманена. Известно, что Потёмкин всегда поддерживал перед Екатериной её сына Павла, бывшего в ту пору великим князем, да и сам Павел против него ничего никогда не предпринимал. Но по восшествии на престол бывших материнских приближённых, о которых молва чего только не измышляла, не жаловал.

Ну а на что же, на какую знатность могла рассчитывать невеста по линии своего отца? Ни на какую... А здесь она стала княгиней. И не просто княгиней – князь Пётр Иванович был потомком побочной ветви грузинского царского дома Багратионов. Ветвь Карталинских князей Багратионов (предков Петра Ивановича) была внесена в число российско-княжеских родов 4 октября 1803 года при утверждении императором Александром I седьмой части «Общего гербовника».

Петр Иванович Багратион родился в 1765 году в Кизляре. Происходил он из древнего рода грузинских царей Багратидов. Его дед, царевич Александр, перебрался в Россию в 1757 году и дослужился в русской армии до подполковника. В 17 лет Петр Багратион поступил сержантом в Кавказский мушкетерский полк, участвовал в экспедиции против чеченцев, в бою

был ранен и захвачен в плен, но горцы вернули его в русский лагерь даже без выкупа в знак уважения к отцу.

Конечно, если не брать, выражаясь словами Алексея Орлова, «материю любви», то брак внешне был взаимовыгоден.

Но супруги оказались совершенно разными людьми, по меткому замечанию одного из биографов, «единственным, что их сближало, было горячее и искреннее чувство патриотизма».

Алексей Петрович Ермолов так отзывался о браке Петра Ивановича Багратиона и Екатерины Павловны Скавронской:

«Государь избрал ему жену прелестнейшую, состояние огромное, но в сердце жены не вложил он любви к нему, не сообщил ей постоянства! Нет семейного счастья, нет домашнего спокойствия! Уединение – не свойство Багратиона; искать средств в самом себе было уже поздно, рассеянность сделалась потребностью, что усиливало непрерывное в службе обращение».

Людмила Третьякова в книге «Красавицы не умирают» рассказывает о том, как складывались отношения между Багратионом и Марией Фёдоровной:

«Очевидно, что деликатная обязанность стража и телохранителя ставила Багратиона в особое положение. Она сближала его с венценосной четой и их детьми. Если Павел I благоволил к генералу за служебную безупречность, столь ценимую им, то на Марию Фёдоровну не могло не действовать обаяние человеческой натуры Багратиона. Этот неустрашимый, презиравший смерть воин в обыденной жизни был скромным, немногословным и сдержанным. Он жестоко страдал от критики и дворцовых пересудов. Ему, в частности, пеняли на отсутствие военного образования. В нём искали изъян, как во всяком, кто поднялся над заурядностью, императрице легко было растолковать это огорченному герою, даря добрым и внимательным отношением. Он обречён быть чужаком среди тех, для которых жизненный интерес сосредотачивался на интригах, сплетнях, злословии. Багратион – другой. И это отводило ему в глазах императрицы особое место. После убийства ее мужа, Павла I, порфиноносная вдова видела в нём едва ли не единственного человека, кому могла доверить жизнь свою и своих детей. В то злополучное 11 марта 1801 года, когда под сводами Михайловского замка разыгралась кровавая драма, Багратиона не оказалось в Петербурге. Вынужденная была отлучка или нет – теперь уже едва ли удастся выяснить. Но в глазах потрясенной женщины, не беспричинно подозревавшей в кознях и злом умысле своё ближайшее окружение, Пётр Иванович был чист. А это значило многое».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.